

Иван СЕНЬКО

КНИГА Ф. КРИВИНА «ПОДРАЖАНИЕ ТЕАТРУ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ЭЗОПОВСКАЯ РЕЧЬ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (39) 2018

УДК 821.161.1.09 (477.87)

Сенько І. М. Книга Ф. Кривина «Наслідкування театру»: історичний контекст і езопівська мова; стор. – 14; кількість бібліографічних джерел – 21; мова російська.

Анотація. Стаття присвячена дослідженню історії створення Феліксом Кривиним книги «Наслідкування театру» (1971). Проаналізовано втручання цензури в творчий процес письменника, з'ясовано причини знищення комуністичними ідеологами тиражу книги. Розглянуто тематику, жанрову своєрідність і композицію видання. Вивчено сатиричне спрямування книги, об'єкти критики, прийоми інакомовлення.

Ключові слова: Фелікс Кривин, дисидентство, цензура, прийоми езопівської мови, інтертекстуальність.

Биографы Феликса Кривина и он сам, говоря о его творческом пути, непременно упоминают об уничтожении по приказу Комитета по прессе при Совете министров УССР в марте 1972 года тиража книги «Подражание театру» (Ужгород: Карпати, 1971). В «Автобиографии» (2001), используя иронически нумерологию о счастливых годах, Кривин написал об этом так: «В 1964 счастливом году вышла книжка «Полусказки». О следующем счастливом 1973 годе могу сказать, что я счастливо отделался – после того, как пустили под нож книгу «Подражание театру» [7, с. 28]. Самуил Кур в некрологе «Памяти Феликса Кривина» (25 декабря 2016) сказал о той черной полосе в жизни писателя: «Жизнь в Ужгороде складывалась для Феликса Кривина вполне благополучно. В 1971 году в ставшем ему родным городе, в издательстве «Карпати», выходит его книга – «Подражание театру». И вдруг – приказ сверху: отправить весь тираж под нож. И на семь долгих лет перед писателем со всесоюзной известностью в этой части СССР опустился шлагбаум» [12].

Но что крамольное, послужившее причиной уничтожения 15-тысячного тиража книги, нашли партийные инстанции в «Подражании театру», детально не исследовано. Ответы на этот вопрос поищем, рассматривая текст проскрибированного издания в контексте времени, когда оно создавалось, и с учетом творческого метода писателя.

Кривин создавал книгу в то время, которое в истории Советского Союза воспринимается как поворот от хрущёвской «оттепели», т. е. от либерализации, реформаторства в общественно-политической жизни к консервативному курсу, получившему позже название «застой». Для этого периода (вторая половина 1960-х годов) характерны [см.: 6]: нарастание трудностей и негативных явлений в экономике, а следствие этого – дефицит товаров широкого потребления; превращение партийной номенклатуры в особую касту; сворачивание десталинизации, усиление борьбы с инакомыслием, активизация усилий по лакировке действительности; активизация диссидентского движения, в ответ на ужесточения

цензуры появление «тамиздата» и «самиздата», а в подцензурной печати – использование эзоповской речи.

В бесцензурных книгах «Всемирная история в анекдотах» (Ужгород, 1993), «Брызги действительности» (Ужгород, 1999) и других Кривин о том времени сказал откровенно: «Социалистический строй – это такой строй, при котором строй не строй, а оно все равно разрушается»; «Теория без практики мертва, практика без теории слепа (Сталин). И куда же они нас завели, эти слепые и мертвые!» [10, с. 101, 137]; «Юмор – это соломинка, которая не спасает. Но когда за нее хватаешься, делаешь движение, которое помогает держаться на воде»; «В старинной русской азбуке содержался главный цензурный вопрос: Како Люди Мыслете?» [11].

Сказал он об этом и в подцензурных «Учечных сказках» (Ужгород, 1967), но с оглядкой, иносказательно, используя аллегории, аллюзии, игру слов и другие приёмы эзоповской речи. О счастье, которым ведают маги, получая его «по накладной» и отпуская «в порядке очереди», правда, «почетный гражданин» Мишка получил его первым и в желаемом объеме, а выстоявшему в конце очереди труженику Мышке ничего не досталось («Счастье»). Об убеждении Изолятора, что проводники, которые отстаивают «перемену постоянного тока, постоянство переменного», «изолировать надо, чтоб другим не повадно!» («Изолятор»). В миниатюре «Кайнозойская эра», названной трактатом, Кривин, иронизируя, устами древнегреческого придворного поэта Симонида излагает официальный взгляд на эзоповскую речь: «Эх, Эзоп, Эзоп, – возможно, говорил Симонид. – Ну к чему все эти аллегории? Неужели ты не можешь, как я, открыто славить тирана?.. Аллегория, Эзоп, это такая двусмысленность, когда можно думать и так, и этак. А это, Эзоп, нехорошо. Хорошо, когда все думают одинаково» [9, с. 85]. Об авторской позиции в этом вопросе юморист заявил примечанием к миниатюре «Негерои»: «Девиз негероев: там, где нельзя говорить то, что думаешь, нужно думать, что говоришь» [9, с. 174].

Григорий Свирский в книге «На лобном месте» (Лондон, 1979), анализируя литературу нравственного сопротивления 1946-1976 годов, сказал о Кривине: «В литературе аллегорий, пожалуй, все эти годы лидировал Феликс Кривин, первая книга которого вышла в Ужгороде и, тем не менее, стала широко известной. В 1966 году его «Божественные истории» стали одной из самых популярных книг; и чем сильнее свирепствовала цензура, чем быстрее гибла сатира, тем охотнее читался Феликс Кривин, в творчестве которого торжествовал Эзоп. Ведь он писал о том же – об ушедшей и вовсе не ушедшей кровавой эпохе» [19, с. 438-439].

О популярности Кривина на всем пространстве Советского Союза свидетельствует тот факт, что в 1967 году на основе текстов из его «Божественных историй» студенческий театр сатиры Новосибирского электротехнического института осуществил постановку с целью «разоблачения всяческих идеологических мифов современности» [2, с. 75-76]. А в Минске Альберт Плакс, один из создателей Театра миниатюр при Белорусском политехническом институте, когда ему в руки попала книга «Ученые сказки» и он увидел в ней «серьезность, многоплановость, многосмысленность и даже определенную опасность», на основе текста «Записок Кошца Бессмертного» подготовил спектакль «Сказка про белого бычка», на премьеру 15 мая 1970 года пригласил Кривина, правда, после двух постановок партком института показ спектакля запретил [15].

И Белла Езерская, журналист и театральный критик, в статье «Феликс Кривин: Эзоп советской литературы» в интернет-журнале «Зарубежные Задворки» (1 июня 2014), вспоминая те времена и произведения юмориста из сборников «Полусказки» и «Божественные истории» («Ходики», «Урок красноречия», «Сократ»), сказала, что воспринимала их как иносказательное высмеивание советской партийной бюрократии, обличение советской власти: «Его миниатюры были на слуху, мы употребляли их, когда нельзя было говорить прямым текстом» [5].

Сравнительно с самиздатом и тамиздатом (за рубежом) это был тихий протест, который представители радикальных действий называли «фигой в кармане». Но Владимир Влади́н в предисловии к сборнику произведений Кривина в «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» встал на защиту такой формы художественного отображения действительности: «Следует подчеркнуть, что у шестидесятников, как правило, карман был рваным, пустым, но Фига, Фига была самая настоящая – зачастую она трансформировалась в увесистый кулак. И Эзоп, и Рабле, и Свифт, и Салтыков-Щедрин были величайшими мастерами этой самой «Фиги». Феликс Кривин – замечательный (о Фигительный) мастер этого жанра, назовем жанр условно «Фигизм» [4, с. 24].

Объяснить эту форму творчества Кривин мог словами Салтыкова-Щедрина, что «привычке писать иносказательно» обязан «цензурному ведомству», которое «до такой степени терзало русскую литературу, как будто поклялось стереть ее с лица земли», но умение писать в эзоповской манере, обнаруживавшей «замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств», заставляло цензоров «скрежетать зубами» [21, с. 185-186]. Над «Подражением театру» (параллельно и над сборником «Несерьезные Архимеды» для московского издательства «Молодая гвардия») ужгородский писатель-юморист работал в условиях усиления идеологического и судебного преследования инакомыслия и диссидентства: показательный суд в 1966 году над литераторами Синявским (Абрам Терц) и Даниэлем (Николай Аржак), исключение Солженицына из Союза писателей «за антиобщественное поведение» (1969), вынужденная отставка Твардовского с поста редактора журнала «Новый мир» и увольнение ведущих сотрудников редколлегии, отстаивавших традиции «оттепели» (февраль 1970)... Положением о Главлите и о функциях цензуры [см.: 17, ч. 2, гл. 6] устанавливалась «личная административная и судебная ответственность цензоров за пропуск неблагоприятной информации в печать».

До появления в печати каждое литературное произведение проходило три этапа предварительной цензуры: рецензировалась рукопись, корректурные оттиски и сигнальный экземпляр. Написанная Кривиним в 1962-1963 годах повесть «Пеший город» была отклонена редактором «Карпат» на первом этапе. Об этом бывший директор издательства С. Д. Иванов вспомнил на партийном собрании в издательстве 10 марта 1972 года при обсуждении «политических ошибок» в «Подражании театру»: «У 1965 р. (чи у 1966) Кривін подав до видавництва роман-пасквіль на нашу дійсність. Цей рукопис у видавництві готували, обходячи Іванова. Але коли він (Кривин. – І. С.) взяв, що роман здали на виробництво, він пішов у друкарню і забрав рукопис. За набрані 2 аркуші тексту він заплатив гроші з своєї кишені» [16, с. 19]. Эта повесть, в которой птицам запрещается летать, печные трубы иронически-назидательно поют: «Будьте умненькими, птицы, спрячьте крылья под жилетку. / Для чего у птицы крылья? Чтоб за них сажали в клетку», – была напечатана только в период гласности в журнале «Радуга» (Киев, 1989, № 9, с. 18-64).

А «Подражание театру», хотя прошло и авторскую самоцензуру, и все три этапа предупредительной редакторской проверки, но по докладной С. Д. Иванова в Комитет по прессе при Совете министров Украины [см.: 16, с. 20] почти весь тираж «идейно враждебной» книги был изъят из обращения и уничтожен. В интервью Яне Амелиной в Августе 1996 года Кривин объяснил:

«Что говорить о том времени? Когда у меня вышла книжка «Подражание театру», то прежде всего мне пришли сионизм. Там не было и слова об этом. Они решили, что Олимп – это Синай. Вот решили, и всё, и так и написали в рецензии, не указав фамилии рецензента» [18]. Возможны и другие причины – внешние: предупредительная форма наказания партийными идеологами за отказ выступить с осуждением диссидентства Солженицына и политики Израиля («...каждый раз приходилось им объяснять, – сказал он в интервью Амелиной [18], – что нет, я этого не сделаю») или предупредительный удар кагэбэшников за его встречу «майским вечером 1971 года на одной из киевских конспиративных квартир» с поднадзорными литераторами-диссидентами Николаем Руденко и Борисом Чичибабиным (об этой встрече, на которой присутствовали еще двое закарпатцев – П. Скупец и В. Ковач, Кривин рассказал в 1998 году в эссе «Друзья мои, прекрасен наш союз!»).

Некоторые произведения будущей книги Кривин передал знакомым режиссёрам для постановки в студенческих театрах-студиях. В 1969 году режиссёр Виталий Дворцин в экспериментальном театре-студии при клубе Ужгородского продторга по машинописному тексту «Подражания театру» осуществил постановку памфлета-детектива «Происшествие», но бдительное партийное руководство спектакль запретило [20, с. 114]. В том же году режиссёр студенческого театра эстрадных миниатюр (СТЭМ, от 1973 – «Гаудеамус») Львовского политехнического института Борис Озеров по совету Кривина осуществил постановку «Происшествия» у себя в институте, а затем успешно представил спектакль на фестивале студенческих театров в г. Горьком [см.: 14].

Известны факты о сценической жизни отдельных произведений из «Подражания театру» и после уничтожения тиража книги. Как свидетельствует Михал Влад, львовский «Гаудеамус» в 1972 студентов-театралов порадовал спектаклем «Диалоги о любви» – по пьесе «Когда фея не любит» [3, с. 598]. И режиссёр студенческого театра «Манекен» Челябинского политехнического института Анатолий Морозов по мотивам проскрибированной книги в 1973 году поставил смешной и язвительный спектакль «Театральные комедии» [2, с. 78-79]. Олег Ладыженский, руководитель театральной студии «Пеликан» в Харькове, для постановки в 1984 году из «Подражания театру» выбрал сказку-быль «Когда фея не любит», написав для спектакля характерологические песни персонажей: «Зонг Конторщика», «Декларативный мажор Попó», «Солдатская походная» [13].

Название книги воспринимается в контексте наиболее цитируемых крылатых слов Шекспира: «Весь мир – театр, а люди в нем – актеры». Но нужно иметь в виду и фразу Гумилева: «Все мы – смешные актеры / В театре Господа Бога» («Театр», 1910). И обращённые к Богу слова Пастерна-

ка: «Я люблю Твой замысел упрямый / И играть согласен эту роль» («Гамлет», 1946). Кривин, если проанализировать «Монолог автора» [8, с. 5-6; дальнейшие ссылки на это издание делаем в тексте указанием страницы] «Пролог к театру» (с. 13-14), жизнь и историю общества воспринимает как театр с героями, статистами и зрителями, в котором талантливые актёры своей деятельностью опровергают гипотезу о вмешательстве в спектакль «одного-единственного режиссёра», а театр – как вид искусства, высокие подмостки которого «поднимают его над глупостью и невежеством, над алчностью и жестокостью, над социальной несправедливостью», он демократичен, справедлив, правдив («здесь даже вымысел борется за правду»), честен («ничего не скрывает от зрителей, хотя есть у него и занавес, и кулисы»), верен своему времени. В «Азбуке театра» (с. 17-26) даны остроумные характеристики театральной афиши, будки суфлера, подмостков, декораций, актеров (каждый держится на сцене «как самому хочется», и еще – как хочется автору, режиссеру, а «главное – как хочется публике»), многоязычию театра (мимика, жесты, умолчания)...

Композиция книги – отображение характерных особенностей театра: раздел «Действующие лица» (с. 27-38) – иносказательная характеристика таких персонажей классического репертуара, как Дон-Кихот («обезьяне было неохота расставаться с добрым, старым веком, и она считала донкихотом первого на свете человека»), Орфей («Орфей спустился в ад, но ад остался адом... Когда живой огонь воздействует на чувства – какой уж тут глагол? Какое тут искусство?»), Сократ, Йорик, Панург (трудно, «когда знаешь и помнишь, что ты не баран, а что ты человек, и к тому же – философ»), Фауст («Нам осталась непокорность заблужденно. Нам осталась вечный поиск – дух сомнения»), Дон-Жуан, Квазимодо, Фигаро, Молчалин и др.; затем представлены античная трагедия «Дедал и Икар» (с.39-56), античная комедия «Человек на Олимпе» (с.57-86), семейная хроника «Дульсинея Тобосская» (с. 87-94); далее следует «небольшое нарушение жанра» (глава «Тоже театр», с. 95-112) – рассказы о «театре военных действий» («Мальбрук в поход собрался», «Пирровы победы» и др.); потом представлены еще два театральных жанра – романтическая фантазия «Когда Фея не любит» (с. 127-164) и памфлет-детектив «Происшествие» (с. 165-186); следующие три рассказа – «Завтрак. Обед. Ужин», «Сорок два банана», «Экспонат 212» составили раздел «Уже не театр» (с. 187-220); завершается книга «Репликами под занавес» (с. 221-230) и «Эпилогом» (с. 231-238) – о том, что «в прошлом наши поводыри, превращаются со временем в наших стражников и берут нас в плен, и ведут под конвоем» (с. 233), но было бы хорошо, если бы «Дон-Жуан сумел Квазимодо понять», если бы «каждый в жизни играл только самую, самую, самую достойную роль» (с. 238).

Во вступительной заметке к «Репликам под занавес» Кривин намекает на ограничение свободы творчества: «Возможно, по этим репликам читатель сможет воспроизвести все те пьесы, которые автор не смог написать» (с. 224). Заключительной репликой «Грамматическая» он подсказывает читателю внимательнее подходить к интертекстуальности книги: «Цитатой мы называем особый вид прямой речи, который, сохраняя говорящему прямую речь, избавляет его от необходимости прямо высказать свою точку зрения» (с. 230).

Как пример такого приема интертекстуальности – цитирование во «Вступительном монологе» к разделу «Тоже театр» древнехеттского документа о деяниях «на театре войны» правителя Хеттского царства Мурсили: «Он пошел на Халпу и разрушил Халпу и привел пленных из Халпы и их имущество в Хатгусу» (с. 97). Читателю, знающему историю Израиля, эта цитата, позаимствованная писателем из «Всемирной истории» (Москва, 1955, т. 1, с. 369), напоминает времена библейского Авраама, который по велению Бога, пробираясь из Урука к побережью Средиземного моря – на Землю обетованную (Ханаан), для одной из стоянок избрал Халпу (совр. Халеб, или Алеппо в Сирии), ставшую в средние века центром по изучению Торы, а упоминание о взятии Халпы хеттами, датируемое где-то 1600 годом до н. э., может актуализировать сведения о судьбе этого древнего города во времена упомянутых Кривиным «войн за гегемонию» Ашшурбанапала, Юлия Цезаря, Дария, а возможно, и об антисемитском погроме в Алеппо в декабре 1947 года, последовавшем за разделом Палестины и признанием государства Израиль со стороны ООН [см.: 1].

И другими примерами «Вступительного монолога» (о войнах Лидии и Мидии, Ура и Урука) автор намекает, что рассказы раздела «Тоже театр» нужно воспринимать в контексте актуальных событий на Ближнем Востоке, среди которых на слуху была арабо-израильская шестидневная война 1967 года. Если учитывать язык аналогий, то «Пирровы победы» (о применении боевых слонов в битве при Бенавенте в 275 году до н. э.) воспринимаются как довольно прозрачный намёк о победе израильтян в танковом сражении с египетскими и сирийскими войсками, имеющими на вооружении мощные советские танки; «Герод Великий» (о жестоком прокураторе Ироде, который, заигрывая с Римом, обеспечил процветание провинции на востоке», т. е. Иудеи) – возможный намек о деятельности первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона; «Третий Крестовый поход» – о медлительности и несогласованности действий Англии, Франции и ФРГ по осуждению антиизраильской политики арабских государств. А «Последний Ромул», «Испанское наследство» – о крушении могущественных империй.

Директор издательства «Карпаты» С. Д. Иванов письмом в Комитет по прессе при

Совете министров Украины предлагал из рукописи «Подражания театру» изъять «около 40 текстов» [см.: 16, с. 20], а главному редактору Ивану Долгошу рекомендовал «прочитать историю, чтобы уточнить основу некоторых миниатюр». Среди тех миниатюр могли быть «Монтечки и Капулетти» (с.37) и «Мальбрук в поход собрался» (с. 100) – как намёки на Карибский кризис, последующую гонку вооружений и начало в 1969 году переговоров между Советским Союзом и США об ограничении стратегических вооружений. В рассказах раздела «Уже не театр» Кривин, применив приемы иносказания, разоблачает использование психиатрии в борьбе с диссидентством («Завтрак. Обед. Ужин»), попытку десталинизации («Экспонат 212»), внешнюю политику руководства страны относительно «банановых республиках» Африки («Сорок два банана»).

Такая же иносказательность прослеживается и в шести драматических произведениях «Подражания театру».

Мифологический сюжет пьесы «Дедал и Икар» (об отце и сыне, которые собирались, как птицы, улететь с острова, превращенного Минотавром в лабиринт «без выхода, просвета и надежды», но вопреки мифу не улетают: Икар «не хочет расстаться с землей», а Дедал «к людям привык») мог восприниматься как аллюзия о прерванной по причине Шестидневной арабо-израильской войны (май 1967 г.) репатриации советских евреев в Израиль. Общеизвестно, что операция по репатриации евреев всего мира в 1949-1950 годах осуществлялась под кодовым названием «Ковёр-самолёт» или «На орлиных крыльях».

В комедии «Человек на Олимпе» можно уловить отдаленные намеки на отрицательные стороны власти Сталина (в образе Зевса, повелевающего фразой: «Шарик есть – шарика нет...», – аллюзией на сталинскую: «Нет человека – нет проблем») и бюрократического правления Хрущёва (в образе Петридиса – «человека на Олимпе»).

Ни эпиграф со словами чеховского Астрова о пользе лесонасаждений, ни указание, что действие романтической фантазии «Зеленый верблюд» происходит в Сахаре, не обезопасили Кривина от критики о том, что пьеса в иносказательной форме освещает историю государства Израиль [см.: 18]. К прочтению пьесы в таком контексте могли побуждать и образ Садовника, вырастившего яблоню в центре пустыни, и название произведения, так как они могли ассоциироваться с конкретикой деятельности первого главы правительства Израиля Давида Бен-Гуриона (настоящая фамилия – Грин, на идише «Зеленый»): он призывал осваивать пустыню Негев, работал и проживал в кибуце Сдэ-Бокер посреди этой пустыни неприспособленно, как верблюд, по его инициативе и при участии в 1964 году на Хевронском нагорье начато посадку многогектарного искусственного леса Ятир.

В других пьесах «Подражания театру» табуированные мотивы не столь очевидны. Семейная хроника «Дульсинья Тобосская» – о том, что обывательская среда убивает донкихотство. В сказке-были «Когда Фея не любит», затронувшей вечные проблемы смысла земной жизни человека, безответной любви, разрыва мечты и действительности, даже очень бдительный цензор мог обратить внимание разве на некоторые реплики персонажей: Солдата – что «на свободе язык развязывается» (с. 140), Конторщика – что «помочь захватить власть – это да» (с. 152). В «Происшествии», осуждая обывателей за равнодушие и безразличие к происходящему, автор словами Задающего вопрошает Старухе с кошкой, потерявшей на войне мужа и сына, Веселому человеку о друге, погибшем «в Марокко или Сингапуре», Человеку на костылях, искалеченному в шахте и израненному пулей и взрывом снаряда, призывает увидеть в них

пострадавших, чтобы «найти преступников» (с. 179).

С позиции современности в таких взглядах на внутреннюю и внешнюю политику сталинизма, хрущёвской оттепели и брежневского застоя нет ничего крамольного, тем более о всем этом Кривин говорил эзоповским языком. В интервью Амелиной [см.: 18] он, оглядываясь на те времена, сказал, что для писателя невыносимо, «когда надо все время думать, что ты говоришь и что чувствуешь». А чувствовал он то, что и сотни деятельных представителей диссидентского движения в Советском Союзе, и говорил об этом ярко и убедительно, используя иносказательные приёмы (аллегорию, иронию, перифраз, аллюзию). В приемах эзоповского языка он видел не рабскую манеру писать (Салтыков-Щедрин), а великую силу художественного слова: «Ведь литература, – сказал он в интервью Амелиной [см.: 18], – потому и называется художественной, что она с подтекстом».

Література

1. Алеппский погром_1947_года [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Алеппский_погром_1947_года
2. Вишневский Е. В. СТС НЭТИ: хронологическая летопись студенческого театра сатиры Новосибирского электротехнического института / Е.В. Вишневский. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 136 с.
3. Влад М. Cittadella / Михал Влад. – М.: Время, 1912. – 622 с.
4. Влади́н Вл. Маленькое эссе о «Фигизме» и его ярчайшем представителе Феликсе Кривине / Вл. Влади́н // Антология Сатиры и Юмора России XX века / Составитель: Эльвина Мороз. – Т. 18: Феликс Кривин. – М.: Эксмо, 2001. – с. 23-25
5. Езерская Б. Феликс Кривин: Эзоп советской литературы / Белла Езерская [Электронный ресурс] / Режим доступа: za-za.net/feliks-krivin-e-zop-sovetskoj-literatur / Зарубежные задворки, 1 июня 2014
6. Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953-1985 гг. – М.: Олма-пресс, 2006. 448 с.
7. Кривин Ф. Д. Автобиография / Феликс Кривин // Антология Сатиры и Юмора России XX века / Составитель: Эльвина Мороз. – Т. 18: Феликс Кривин. – М.: Эксмо, 2001. – С. 26-28.
8. Кривин Ф. Д. Подражание театру / Феликс Кривин. – Ужгород: Карпаты, 1971. – 240 с.
9. Кривин Ф. Д. Ученые сказки / Феликс Кривин. – Ужгород: Карпаты, 1967. – 184 с.
10. Кривин Ф. Д. Всемирная история в анекдотах / Феликс Кривин. – Ужгород: МП «Бокор», 1993. – 140 с.
11. Кривин Ф. Д. Брызги действительности: самые короткие сказки, рассказы, мысли и факты / Феликс Кривин. – Ужгород: Аудиотех, 1996. – 175 с.
12. Кур С. Памяти Феликса Кривина / Самуил Кур // журнал-газета «Мастерская» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://club.berkovich-zametki.com/arhiv.php?yr=2016&mn=12>
13. Ладыженский О. С. Мост над океаном / Олег Ладыженский. – М.: Эксмо, 2007. – 448 с.
14. Озеров Б., Евшин М. «...и был театр». — Львов: Издательский дом «Инициатива», 2007. – 36 с.
15. Плакс, Альберт. Феликс Кривин [Электронный ресурс] / Режим доступа: [kackad.com / культура / culture Jan 12, 2017](http://kackad.com/culture/Jan_12_2017)
16. Протокол № 5 закритих партійних зборів партторгонізації видавництва «Карпати» та «Радянська школа» 10 березня 1972 р. // Екзиль. Науково-мистецький часопис. – 2007. – №5 (10). – С. 18-20.
17. Рейфман П. С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры / П. С. Рейфман [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://reifman.ru/russ-tsenzura/6-2/>
18. Русский писатель Феликс Кривин. Интервью / Беседовала Яна Амелина // <http://www.kavkazgeoclub.ru/content/ruskiy-pisatel-feliks-krivin-intervyu>
19. Свирский Г. На лобном месте: Литература нравственного сопротивления: 1946-1976 / Григорий Свирский. – Лондон: ОРІ, 1979. – 623 с. // http://vtoraya-literatura.com/pdf/svirsky_na_lobnom_meste_1979_ocr.pdf

20. Чорі Ю. Драматургія Закарпаття / Юрій Чорі // Письменники Срібної Землі : до 60-річчя Закарпат. орг. Нац. спілки письменників України / упорядк., передм., підготов. текстів П. М. Ходанича. – Ужгород : Ужгород. міська друк., 2006. – С. 105-118.
21. Салтыков-Щедрин М. Е. Недоконченные беседы // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит.-ра, 1973. – Т. 15. – Кн. 2. – С. 149-284.

Иван СЕНЬКО

**КНИГА Ф. КРИВИНА «ПОДРАЖАНИЕ ТЕАТРУ»:
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ЭЗОПОВСКАЯ РЕЧЬ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории создания Феликсом Кривиним книги «Подражание театра» (1971). Проанализированы вмешательства цензуры в творческий процесс писателя и причины уничтожения коммунистическими идеологами тиража книги. Рассмотрены тематика, жанровое своеобразие и композиция издания. Изучена сатирическая направленность книги, объекты критики, приемы иносказательности.

Ключевые слова: Феликс Кривин, диссидентство, цензура, приемы эзоповской речи, интертекстуальность.

Ivan SENKO

**BOOK BY F. KRIVIN «THE IMITATION OF THE THEATER»: HISTORICAL CONTEXT
AND THE AESOPIAN LANGUAGE**

Annotation. The article is devoted to the study of the history of the creation by Felix Krivin of the book "Imitation of the Theater" (1971). The interventions of censorship in the writer's creative process, the reasons for the destruction of the book by communist ideologists are analyzed. The themes, genre originality and composition of the edition are considered. The satirical thrust of the book, objects of criticism, and allegorical methods have been studied.

Key words: Felix Krivin, dissidentism, censorship, methods of Aesopian speech, intertextuality.

Стаття надійшла до редакції 2.02.2018 р.

© Сенько І.М., 2018

Сенько Іван Михайлович – кандидат філологічних наук, доцент, фольклорист, гоголезнавець.